

В Диссертационный отдел ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации» 119571, г. Москва,
пр-т Вернадского, д. 82

ОТЗЫВ

официального оппонента

Мартыненко Елены Викторовны

по диссертации Шульца Эдуарда Эдуардовича «Регулирование массового
политического протеста в контексте медиакоммуникаций»
по специальности 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика,
представленной на соискание ученой степени доктора политических наук,
выполненную на кафедре коммуникационных технологий Института
международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО
«Московский государственный лингвистический университет»

Актуальность темы диссертационного исследования

Актуальность диссертации не вызывает сомнений. Диссертационное исследование посвящено проблематике, которая находится на пересечении политической науки, конфликтологии, медиакоммуникативистики. В условиях стремительной трансформации глобального информационного ландшафта, когда традиционные и новые медиа не просто отражают социальные конфликты, а становятся их активными сотворцами, способность регулировать массовый политический протест средствами коммуникации превращается в важнейший ресурс государственного управления. Выбор темы продиктован не только академической логикой развития теорий социального конфликта (которые, как справедливо отмечает автор, формировались преимущественно в XX веке), но и насущными запросами политической практики.

Особого внимания заслуживает тот факт, что диссертант смещает фокус с традиционного изучения причин протеста (экономических, демографических, социально-структурных) на анализ того, как именно медиакоммуникации конструируют, направляют и, главное, регулируют протестную активность. В эпоху «цветных революций», «арабской весны» и последующих волн протестной мобилизации в самых разных политических режимах (от развитых демократий до автократий) становится очевидным, что ключевая борьба разворачивается преимущественно в медиаполе. Автор убедительно доказывает, что виртуальные смыслы, формируемые средствами

массовой коммуникации, зачастую замещают собой социально-экономическую реальность, делая общественное сознание гипертворимчивым к направленному воздействию.

Актуальность диссертации усиливается геополитическим контекстом. Нарастание гибридных угроз, использование внешними акторами технологий «управляемого хаоса» и «ненасильственного сопротивления» требуют от государственных институтов адекватной теоретической базы и практических инструментов медиарегулирования. Представленная диссертация предлагает именно такой концептуальный аппарат, который определяет ее высокую практическую значимость для органов государственной власти РФ, Министерства обороны, ФСБ, МВД, а также для системы высшего образования при подготовке политологов, конфликтологов и специалистов в области медиакоммуникаций. Нет сомнений в том, что тема исследования является своевременной, научно и социально востребованной.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций

Обоснованность выводов диссертации обеспечивается, в первую очередь, продуманной методологией и репрезентативной эмпирической базой. Диссертант опирается на комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, моделирование) и специальных методов политологии, социологии, конфликтологии и коммуникативистики. Особо следует отметить грамотное применение системного и деятельностного подходов, которые позволяют рассматривать политический протест как целостную, динамическую систему, с учетом сравнительно-исторического метода, дающего возможность выявить устойчивые инварианты протестных технологий на протяжении более чем столетнего периода.

Теоретическая база работы отличается фундаментальностью. Автор обращается к наследию классиков политической мысли (Аристотель, Макиавелли, Гоббс, Бэкон, Токвиль), основателям конфликтологии (Маркс, Зиммель, Козер, Дарендорф), теоретикам массовых коммуникаций (Липпман, Лассуэлл, Бернейс, Маккомбс) и, что особенно важно, к современным исследованиям в области медиатизации (Ш. Хьярвард, Й. Стрёмбек), сетевого общества (М. Кастельс), а также к обширному корпусу отечественных научных работ (В. А. Ачкасова, И. А. Быков, М. Н. Грачев, Л. Н. Тимофеева, А. Н. Чумиков, Ф. И. Шарков и др.). Широта теоретического охвата сочетается с критической рефлексией: автор не ограничивается декларацией известных постулатов, а показывает, что в новых условиях они требуют уточнения.

Эмпирическая база включает в себя не только труды теоретиков и практиков протеста (от Ленина до Че Гевары) и официальные статистические данные, но и богатый массив документов: материалы СМИ (как традиционных, так и новых медиа), агитационные и пропагандистские материалы, экспертные оценки, результаты социологических опросов (включая собственные исследования), свидетельства очевидцев. Хронологический диапазон – от революций начала XX века до протестов 2020-2021 гг. в Беларуси – создает необходимую глубину для верификации универсальных закономерностей. Выбор кейсов (Россия 1905-1917, Германия 1918-1933, Куба 1953-1959, «цветные революции», Россия 2011-2021, Беларусь 2020-2021) методически обоснован. Он позволяет проследить как преемственность технологий, так и их адаптацию к изменяющимся коммуникационным условиям.

Наиболее сильной стороной работы является доказательство того, что регулирование протеста средствами медиакommunikаций подчиняется повторяющимся паттернам, которые автор описывает через модель «входа» и «выхода», факторный анализ (столица, армия, внешнее воздействие, коммуникационное давление) и принцип «цепной реакции». Эти выводы подкреплены конкретными историческими и современными прецедентами, что исключает их умозрительный характер.

Научная новизна и достоверность полученных результатов

Новизна диссертационного исследования проявляется на нескольких уровнях – концептуальном, теоретико-методологическом и прикладном.

Во-первых, автором впервые в отечественной науке системно обосновано положение, что радикальные массовые формы политического протеста вместе с их медиакommunikационной составляющей представляют собой самостоятельное явление, отличное от иных видов социального протеста. Это не просто «революция» или «бунт» в классическом понимании, а особый гибрид, где реальное противостояние неразрывно переплетено с виртуальным конструированием массовости, легитимности и даже самой «реальности» протеста.

Во-вторых, предложена оригинальная исследовательская модель, в рамках которой оценка роли медиакommunikаций смещается от преобладающего рассмотрения их гармонизирующей функции (концепции «публичной сферы» Хабермаса, «защитного клапана» Козера) к анализу актуальных механизмов медиавоздействия в интересах государственной власти. Автор не отрицает нормативной идеи демократических медиа, но констатирует, что на практике любой ведущий политический субъект

(включая государства, позиционирующие себя как демократические) стремится к монополизации медиавлияния, особенно в периоды угроз.

В-третьих, разработана многофакторная модель диагностики протеста, включающая такие параметры, как состояние легитимности власти и поддерживающих ее медиаресурсов, социальная база протеста (с акцентом на медиапотребление), идеологические принципы, транслируемые через доминирующие медиаресурсы, сценарии медиараспространения, а также факторы «столичности», «армии» и «внешнего воздействия». Эта модель имеет не только теоретическое, но и высокое прикладное значение, поскольку позволяет прогнозировать эскалацию или деэскалацию конфликта.

В-четвертых, выявлена и подтверждена конкретными примерами тенденция к замещению харизматических лидеров протеста (характерных для исторических революций) на медиаменеджеров протестных акций и медиаресурсы, формирующие в информационном поле коллективный образ руководства/управления. В современных событиях «цветных революций» и протестов в России/Беларуси это проявляется особенно ярко: персональная харизма часто уступает место способности управлять потоками информации в Telegram, TikTok (ограничены на территории РФ) или иных платформах.

В-пятых, аргументировано, что в современных условиях, когда полная блокировка сетевых ресурсов практически недостижима, опора исключительно на регулятивно-репрессивные меры не приводит к успеху. Ключевым направлением становится активное создание и продвижение прогосударственных каналов в новых медиа, завоевание ими лидирующих позиций в информационном поле. Этот вывод вносит важный вклад в развитие теории политического менеджмента.

Достоверность результатов не вызывает сомнений. Она обеспечена методологической строгостью, большим объемом источников (более 1500 наименований в списке литературы), многолетней апробацией (выступления на международных конференциях, 28 статей в журналах из перечня ВАК по специальности 5.9.9., а также 7 монографий). Авторская позиция выверена и аргументирована.

Оценка содержания диссертации, ее структуры и завершенности

Диссертация имеет классическую структуру: введение, четыре главы, заключение, список литературы. Логика построения подчинена движению от общего к частному, от теории к эмпирике.

Введение содержит все необходимые составляющие: обоснование актуальности, степень разработанности проблемы, объект, предмет, цель и задачи, рабочую гипотезу, методологию, эмпирическую базу, научную новизну, положения, выносимые на защиту (14 позиций), теоретическую и

практическую значимость, сведения об апробации. Особого упоминания заслуживает детальный анализ степени разработанности темы, который демонстрирует глубокое погружение автора в научную литературу.

Глава 1 («Теоретико-методологические основы формирования и развития массового политического протеста») представляет собой фундаментальный обзор концепций. Особенно ценными являются параграф 1.1, где автор определяет собственное понимание медиакоммуникаций как взаимодействия субъектов с целенаправленным воздействием друг на друга, и параграф 1.3, где сквозь призму теорий общественных движений (М. Зальд, Р. Эш) и теорий рационального выбора (М. Олсон) автор приходит к выводу, что недовольство может создаваться и управляться, а не просто существовать объективно. Выводы по главе задают концептуальную рамку для дальнейшего анализа.

Глава 2 («Причины радикализации политического протеста и возможности его регулирования медиакоммуникационными средствами») является, пожалуй, ключевой с точки зрения теоретического вклада. Автор детально разбирает факторы «входа» и «выхода» из протеста, анализирует четыре ключевых фактора давления (столица, армия, внешнее воздействие, коммуникации) и обосновывает, почему экономические и демографические факторы (включая «мальтузианскую ловушку» и «молодежный бугор») не могут считаться самодостаточными причинами. Особый интерес представляет критика автором концепции «карнавальности» протеста, восходящей к М. Бахтину: соискатель убедительно показывает, что радикальный протест – это не игра, а экзистенциальное противостояние, и введение «карнавальной» оптики часто ведет к подмене анализа реальных механизмов.

Глава 3 («Традиционные медиакоммуникации в контексте общественного развития и массовых протестов XX века») разбирает три исторических кейса. Анализ Русской революции демонстрирует, как В. И. Ленин использовал газету «Правда» не только как агитационный, но и как организационный центр (что автор называет прообразом современных медиацентров протеста). Анализ Веймарской Германии показывает, как национал-социалисты сочетали уличное насилие с медийными кампаниями, как электоральный процесс может стать формой «канализирования» протеста. Кубинская революция представлена как своеобразный «мост» к эпохе медиатизации: Ф. Кастро и Э. Че Гевара уже использовали зарубежные СМИ и принцип «объективность не равна беспристрастности», что будет в полной мере востребовано в XXI веке. Все три кейса убедительно иллюстрируют универсальность предлагаемой модели.

Глава 4 («Новые медиакоммуникации и массовый радикальный политический протест в XXI веке») – наиболее динамичная и, с точки зрения современной политической науки, наиболее актуальная часть. Автор последовательно разбирает феномен «цветных революций» (от Сербии 2000 г. до «арабской весны»), демонстрируя рост роли социальных сетей и внешнего финансирования НКО. Затем переходит к российскому политическому протесту 2011-2021 гг., показывая эволюцию от «Фейсбука» (запрещена на территории РФ) к «ТикТок» и «Телеграм» (ограничены на территории РФ), а также реакцию власти – от попыток силового подавления к системному информационному доминированию. Отдельного внимания заслуживает параграф 4.3 о Беларуси 2020-2021 гг., где диссертант убедительно доказывает, что организационным стержнем протеста стали именно Telegram-каналы (Nexta и др.), взявшие на себя функцию, которую ранее выполняли революционные партии и штабы. Показано, что победа власти была обеспечена не только репрессиями, но и переходом к активной работе в новых медиа, синхронизацией провластных каналов.

В заключении подводятся итоги, подтверждающие рабочую гипотезу и суммирующие основные научные результаты. К достоинствам работы относится то, что выводы сформулированы четко, верифицируемо и соответствуют положениям, выносимым на защиту.

Таким образом, диссертация представляет собой завершенное научное исследование, в котором решена масштабная научная проблема – разработка теоретико-методологических основ регулирования массового политического протеста в контексте медиакоммуникаций.

Публикации и апробация результатов

Основные положения диссертации отражены в 7 монографиях (объемом 84,2 п.л.), в 28 статьях в журналах из перечня ВАК по специальности 5.9.9. и базах Scopus/Web of Science, а также в 27 статьях в журналах по смежным специальностям. Публикационная активность автора является высокой и соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Результаты апробированы на многочисленных международных и всероссийских конференциях; использованы для составления аналитических записок в органы исполнительной и законодательной власти РФ, что подтверждает практическую значимость работы.

Дискуссионные вопросы и замечания

При безусловно высоком качестве диссертационного исследования, его актуальности и несомненном научном вкладе, необходимо высказать ряд замечаний, поставить вопросы для дальнейшей научной дискуссии и обозначить направления для будущих исследований.

1. В работе широко используются качественные методы (исторический анализ, кейс-стади, типологизация), что оправданно для докторской диссертации, закладывающей теоретический фундамент. Однако при анализе современных протестов (Россия 2017-2021, Беларусь 2020-2021) автор оперирует такими понятиями, как «синхронизация информации», «централизация повестки», «десинхронизация оппозиционных каналов», но почти не использует методы количественного контент-анализа, сетевого анализа или автоматизированного сбора данных (digital methods/цифровые методы). Утверждения о том, что «провластные каналы обладали высоким уровнем синхронизации», остаются на уровне экспертных оценок, а не строгого эмпирического доказательства. Включение в текст (в приложение) результатов хотя бы одного пилотного количественного исследования (например, анализ тональности сообщений или частоты цитирования) значительно усилило бы доказательную базу. Автор в том числе выдвигает тезис, что в медиакоммуникационном поле политического конфликта государство находится в заведомо выигрышной ситуации, поскольку обладает возможностью организации массового и синхронизированного информационного сигнала, способного воздействовать на настроения граждан. Тем не менее разрозненные и «десинхронизированные», по утверждению диссертанта, информационные ресурсы субъектов оппозиции продолжают играть серьезную воздействующую роль. Требуется более четкая оценка эффективности того и другого воздействия.

2. В работе рассматриваются в основном внутренние медиакоммуникации и внутренний протест. Однако в условиях современной геополитики все большее значение приобретает внешнее информационно-психологическое воздействие, направленное на раскачивание внутривнутриполитической ситуации (например, через ботофермы, фабрики троллей, фейковые новости, создаваемые на территории других государств). Автор упоминает внешний фактор, но не раскрывает в деталях, как технологии информационной войны трансформируют классические закономерности протеста, которые он вывел на материале XX века. Можно ли верифицировать модель регулирования, если источник дезинформации находится за пределами досягаемости национальных регуляторов? Эта проблема требует отдельного концептуального блока.

3. В диссертации упоминаются работы В. И. Ленина. Однако представляется спорным вопрос об их актуальности применительно к современному периоду. С одной стороны, в этих работах речь идет о печатных формах средств массовой информации, но сегодня не вызывает сомнений господство электронных интернет-ресурсов. С другой стороны, требуется

ответить на вопрос о том, являются ли работы В. И. Ленина (в ряде случаев это короткие выступления и даже письма) стройным концептом информационного воздействия. Автор также неоднократно проводит аналогию между ролью газеты «Правда» как организационного ядра для большевиков и Telegram-каналов (например, Nexta) для современных протестных движений. Аналогия является эвристически ценной, но требует более тонкой рефлексии. Газета «Правда» была частью публичной, легальной (пусть и изначально преследуемой) партийной структуры с формальным членством, иерархией, дисциплиной и, что важно, с ответственностью за публикуемую информацию. Telegram-канал – это, как правило, анонимный, децентрализованный, находящийся вне юрисдикции страны происхождения ресурс, который в любой момент может быть заблокирован, а его создатели могут безнаказанно менять свои установки. Организационная роль печатного органа и сетевого медиакачества различна: в первом случае – это координация через общую идеологию и дисциплину, во втором – это, скорее, агрегация и синхронизация стихийных настроений с высокой степенью уязвимости перед внешними воздействиями. Развернутое сравнение этих двух типов медиаорганизации было бы полезным дополнением.

4. В диссертации фактически подвергаются критике термины «демократия», «плюрализм», «свобода печати». Означает ли это, что данные понятия более не актуальны для нашей страны и для окружающего мира?

Общее заключение

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не умаляют общей высокой оценки диссертационного исследования. Напротив, они свидетельствуют об актуальности, сложности и многогранности поднятой проблематики, а также о наличии в работе материала для плодотворной научной дискуссии.

Автор демонстрирует знание теоретической и методологической базы и умение применять их в исследовании. Широкое использование литературы и источников на русском и иностранных языках (более 1,5 тыс.) позволяет обстоятельно и обосновано анализировать проблему, строить исследовательские модели и применять к эмпирическому материалу. Широкий круг примеров делает выводы о закономерностях процессов и их особенностях на современном этапе наиболее репрезентативными и обоснованными. Научные методы применялись грамотно и профессионально.

Методологическая база и методы исследования, репрезентативность эмпирической базы и большой объем источников и примеров, а также многолетняя апробация результатов исследования определяют высокую степень достоверности диссертации.

Диссертация Шульца Эдуарда Эдуардовича является самостоятельным, законченным научным трудом, в котором содержится решение крупной научной проблемы – разработки теоретико-методологических основ регулирования массового политического протеста средствами медиакommunikаций. Личный вклад автора в развитие теории социального конфликта, политической коммуникативистики и медиаконфликтологии является весомым и признанным научным сообществом. Работа отличается фундаментальностью, логической стройностью, богатым эмпирическим материалом и новаторством выводов.

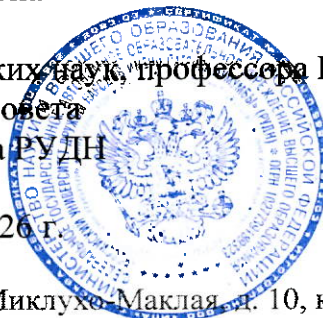
Вывод. Диссертация Шульца Эдуарда Эдуардовича на тему «Регулирование массового политического протеста в контексте медиакommunikаций» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей важное социально-экономическое, культурное и хозяйственное значение, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025), а Шулец Эдуард Эдуардович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора политических наук по специальности 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

Официальный оппонент:

доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории журналистики
филологического факультета Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Мартыненко Елена Викторовна

Подпись доктора политических наук, профессора Е. В. Мартыненко удостоверяю.
Ученый секретарь Ученого совета
филологического факультета РУДН
доцент

« 10 » июня 2026 г.

М. А. Рушина

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, каб. 621; Тел +7 (495) 434-43-64, e-mail: martynenko-ev@rudn.ru